

Автор: Яновская Л. (Украина)

Отчаянье — грех. Но только через отчаянье и понимается сущность самой греховности. Человек, будучи «синтезом временного и вечного», увлекаем «временным» настолько, что не успевает увидеть в нем проявление «вечного». Слишком рассудочно или страстно, слишком при-страстно, причастно, взволнованно относится человек к временному, к своей обычной суете, доказывая ненапрасность своей жизни и неслучайность себя в ней. Парадокс, с которым он сталкивается еще и еще раз состоит в том, что его ожидания рисуют ему картину «рая земного», когда он достигнет или обретет то-то и то-то, он и достигает, а «рая земного» там нет... Вновь и вновь проверяет отчаявшийся правильность своих решений, правильность своего выбора и то ли приходит к выводу о том, что не мог поступить иначе, то ли видит, что должен был поступить по-другому. Во втором случае непримиримость с собой и чувство вины заставляют снова и снова искать решения, снова и снова пытаться изменить жизненную ситуацию. И исчерпав в конце концов все возможные варианты, отчаявшийся приходит в тупик.

Тупик — это та черта, тот предел, в котором происходит понимание бессмысленности всех своих действий. Что бы ты не сделал сейчас — все будет не то, не так, как этого бы хотелось. Новейшие популярные психологические технологии по «исполнению желаний», «искусству побеждать», «управлению своей судьбой» и др. приветствуют всех отчаявшихся и зазывают их к себе. «Мы тебя обучим быть счастливым!» — заявляют они. Как будто старая истина о том, что двери счастья открываются только снаружи, им неведома... Поистине слишком опасно, что происходит. Любая психотехнология, будь она самой гуманной, обращена к типичному, к обычному в человеке, иначе — к «человеку толпы», омассовленному потребителю. Обращение к этому социально-индивидуальному началу еще более взращивает, усиливает его. Мотив «у меня все как у всех, и — лучшее» действительно создает иллюзию счастья. Сейчас нет смысла останавливаться на тех принципах, которые лежат в основе всех этих технологий. Важно здесь именно то, что человека отчаявшегося ждет выбор — или прислушиваться к зову совести (но при этом по-настоящему быть одному), либо отнестись к себе как к заблудшей овце, которая рада снова примкнуть к стаду.

Первая ловушка, первое испытание и первый вызов для человека, решившегося на отчаяние — это испытание одиночеством. Путь отчаяния можно пройти только самому. Здесь происходит не физическая изоляция от других, а психологическая. И это намного тяжелее. Пребывать в отчаянии — бросить вызов обществу, в котором живешь. Пребывать в отчаянии — это отвернуться от всех тех благ, которые сулят окружающие. Пребывать в отчаянии — стать не таким, как все. Вызов судьбы звучит мягче, если он касается не только меня лично, но многих. Стать «гадким утенком» по своей воле с обычной точки зрения по меньшей мере безумно. Оказавшись отчаянным, отказавшись от надежды, обнаживши пределы своих возможностей, человек закрывает для себя все возможные пути «общечеловеческого счастья».

Быть отчаянным страшно. В отчаянии теряются все опоры, «почва», на которой высился Замок Жизни. В отчаянии теряется вся логика поступков, жемчужная нить своей особой жизненной справедливости. «Я вел праведную жизнь» считает имярек, «за то и имею определенные блага от нее». И — вот — эта жемчужная нить рассыпается... «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов, 1). Сатана задает вопрос Богу: разве даром богобоязнен Иов? Страшные испытания насылает Господь на Иова. В полном отчаянии пребывает Иов: «Человек, рожденный женщиной, краткодневен и пресыщен печалью: как цветок, он выходит и опадает; убегает, как тень, и не останавливается» (Иов, 14), оставляя себе лишь крупички надежды: «Он убивает меня, но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои перед лицом Его!». «Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда; но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх» (Иов, 5).

Отчаянье раскрывается нам с совершенно другой стороны, если мы переживаем его как возможность укрепления веры.

Но как укрепить свою веру в отчаянии? Как укрепить ее вопреки не только здравому смыслу, но и в очевидной своей беспомощности, в отсутствии какой-либо поддержки Всевышнего Отца? Здесь отчаявшийся приходит ко второму испытанию. Пребывая в тягостных чувствах — вины, страха, беспомощности, лени; в тягостных раздумьях о своей никчемности, неприспособленности к этому миру; в очередной раз доказывая себе тщетность каких-либо своих действий, человек полностью замыкает себя отчаянием. Нет смысла в действиях добра, все оборачивается неблагодарностью, жестокостью, непониманием, непринятием. Фильм «Причастие» И. Бергмана повествует о католическом священнике, который разуверился во всем: в Боге, в себе, в других людях. Он не чувствует любви, не чувствует жизни. Он не слышит Бога. Лишь понимание своей вины и вины своих родителей, которые определили за него его миссию в жизни, удерживает его на месте приходского священника. Он оказывается не в силах помочь обратившемуся к нему прихожанину, который потерял смысл жизни. Для чего? К чему? «Нет Бога — значит, нет определенного замысла, нет смысла!». К жизни главного героя фильма обращает осознание причастия. Быть причастным личности Иисуса Христа — значит быть причастным и его предельному отчаянию, его предсмертным мукам. Иисус страдал от физической боли, но это было еще переносимо, Он страдал от предательства всех тех, кого Он считал своими преданными учениками, своими друзьями, с кем разделял еду и пристанище, но и это не было так больно. Настоящее страдание заключалось в его словах: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк. 15). Ужаснее всего было осознать, что Бог — Отец Его, Его оставил. Оставил быть отчаянным. Пережить отчаяние быть оставленным — самая сердцевина страдания. Но найти в себе силы оставаться в этом отчаянии верующим — это настоящее причастие.

Отчаянье — грех. Но только через отчаянье и понимается сущность самой греховности. Страдание без греха бессмысленно. Если начинаешь страдать — то — за что же это? Смысл страдания в грехе. Иначе происходит не страдание, но обида. Отчаяние будет обидой, если отчаявшийся не будет спрашивать себя — в чем состоит

его вина. Так, Анна Каренина бежит этого вопроса. Не чувствуя внутри себя вины (и раскола) от двойственности своего положения, двойственным и виновным она ощущает внешний мир. С. Кьеркегор пишет: «...То, с чем мы имеем дело теперь, отчаяние, когда желают быть собой, — самое насыщенное и сгущенное из всех, — это отчаяние демоническое. Причем человек желает быть собою не вследствие стоического пристрастия к самому себе или же идолопоклонства перед собою, ...нет, он желает это в ненависти к существованию и сообразно своему несчастью» (Кьеркегор, 1993, с. 303). Далее, «...чтобы представить это в образах, предположим некую опечатку, ускользающую от своего автора, — опечатку, наделенную сознанием, — которая по сути вовсе, может быть и не является таковой, но если охватить взглядом весь текст в целом, некой неизбежной чертой этого целого, — и вот восстав против своего автора, она с ненавистью бы запрещала ему исправлять себя, но восклицала бы в абсурдном вызове: нет, ты меня не вычеркнешь, я останусь свидетелем против тебя — свидетелем того, что ты всего лишь ничтожный автор!» (там же, с. 304). В своей простой наивности желания любви, в своей правде-для-себя она справедливо ожидает, что внешний мир (окружающие ее люди: близкие и высший свет) поймут ее и примут такую-как-она-есть. Фактически, Анна не может принять себя без одобрения света. Своими действиями или своим бездействием, нерешительностью, неспособностью идти до конца, пожертвовать своей правдой ради других (своей одной из любовей — к Вронскому или Сереже), она взывает к внешнему миру, чтобы изменился он, но не изменилась она. Ее отчаянье — это отчаянье-вызов. Это сила революционера-народника, стремящегося все свое существо бросить на разрушение «старого неправильного устройства общества» и погибнуть вместе с ним. Отчаяние Анны приводит к смерти.

Отчаянье ее брата, Стивы Облонского — его переживание мы назовем отчаянным, опираясь на те моменты, когда он не может, не понимает, что ему делать, когда над ним повисает тень расплаты за его «мелкие радости» — приводит к согласию отсутствия этических принципов. «Да, слаб человек, неловок, неуклюж, но душа-то добрая. Да, не может устоять перед соблазнами, но ведь можно и простить». Он и сам готов прощать другим их грехи. Как правило, для такого понимания характерно сознание того, что весь мир так устроен, что человек так устроен, и ничего уж не поделаешь. Ценность «вечного» для такого отчаявшегося закрыта. «...Такой отчаявшийся забывает о себе самом, забывает свое божественное имя, не осмеливается в себя верить и считает слишком дерзким быть собою, а потому полагает, что проще и надежнее походить на других, быть воплощенным обезьянничаньем, одним из номеров, поглощенных стадом... Ценой потери своего Я такой отчаявшийся тотчас же обретает бесконечную ловкость, благодаря которой его всюду охотно принимают и он достигает успеха в мире» (Кьеркегор, 1993, с. 271).

Отчаянье Каренина совершенно противоположно отчаянью Облонского. Хотя это тоже не-сознающее-себя отчаяние, но предпочтение в выборе отдается «вечному» в человеке. Его изначальное стремление к всеобщей «правильности», его святая вера в совершенство моральных принципов скорее приводит его к наслаждению от сознания этических позиций, к «выхоленной религиозности», к догматике. Непосредственное, конкретное, «временное» Я перестает быть действующим. С. Кьеркегор в описании этого отчаяния вводит понятие воображения. Воображение, считает он, переносит

человека в бесконечное, но делает это, лишь удаляя его от самого себя и препятствуя ему вернуться к самому себе. «И когда одна из способностей этого Я, то есть воля, знание или чувство, погрязает в бесконечном, все мое Я в конечном счете рискует оказаться втянутым в бесконечное». Описывая один из разговоров Каренина с сыном, Л.Н. Толстой отмечает: «Блестящие нежностью и весельем глаза Сережи потухли и опустились под взглядом отца. Это был тот самый давно знакомый тон, с которым отец всегда относился к нему и к которому Сережа научился уже подделываться. Отец всегда говорил с ним — так чувствовал Сережа, — как будто он обращался к какому-то воображаемому им мальчику, одному из таких, какие бывают в книжках, но совсем не похожему на Сережу» (Толстой, 1985, с. 522). Воображаемый мир, в котором живет Каренин, изменяет для него мир реальных отношений. На место реальных отношений ставятся некие идеальные. Так, в том же «поучительном диалоге» с Сережей, вспоминая о преодолении отвращения к своей деятельности, Каренин говорит о любви к труду. Религиозная ориентация Каренина подпитывает воображаемый мир. «Ориентация на Бога наделяет Я бесконечностью, однако в упомянутых случаях бесконечное, возникающее, когда воображаемое полностью поглотило Я, увлекает человека лишь к пустому опьянению» (Кьеркегор, 1993, с. 270).

Внешне потеря непосредственно живых отношений с миром может быть совсем и незаметна. Человек может внешне оставаться таким же внимательным и заботливым, таким же добросовестным. Тем более, что внешний мир менее всего и интересуется — есть ли у человека это самое Я или его нет. «Худшая из опасностей — потеря своего Я — может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось. Ничто не вызывает меньше шума, никакая другая потеря — ноги, состояния, женщины и тому подобного — не замечаются столь мало» (там же, с. 270).

«Сознание вырастает, и его развитие отмечает собою все более растущую напряженность отчаяния; чем более вырастает сознание, тем более напряженно отчаяние» (там же, с. 271). Чем больше сознание человека готово к принятию отчаяния, тем больше в нем помышляется не вина других, но вина своя. Извечный русский вопрос «кто виноват?» обращает внимание на необходимость отдельности себя и других, необходимость отделить свою вины от не-своей, от «приращенной». Всегда есть искушение свою вину отдать другим, либо искушение взять на себя большее. В первом случае отчаяние перерастет в обиду. Во втором — в изнуряющее себя и других самобичевание и неспособность жить. Какую мерю мерить вину? (Этот вопрос есть уже вопрос этический, тогда как «кто виноват» — эстетический.) Только сам человек может определить себе мерило этой вины, но он не сможет сам выступать этим мерилом. Сам человек может определить, перед кем он виноват. Мерилом вины выступает другой. Лучше, если сам Бог, говорящий через кого-то, через духовное лицо. Главное — то лицо, кого любишь, которому доверяешь безусловно, всецело, в отношении к которому вопрос о доверии даже и не звучит. Если ж нет такого лица — виной тому гордыня, в гордыне, значит, и виновен.

«Каждое взятое в отдельности Ты есть прозрение к Вечному Ты. Через каждое взятое в отдельности Ты основное слово обращается к нему. Через это посредничество Ты Всех Существ осуществляется исполненность отношений к ним, а также

неисполненность. ...Ибо тот, кто произносит слово «Бог» и помыслы его действительно связаны с Ты, как бы он ни заблуждался, он обращается к истинному Ты своей жизни, которое не ограничить никаким другим и в отношении к которому, включающему все другие, он пребывает» (Бубер, 1992, с. 340).

Раскаянье — это первый шаг к выходу из отчаянья. И вместе с этим шагом преодолевается главное — привязанность к себе, к собственному мнению, к своим эмоциям, страхам, к своей великой гениальности, к своей миссии. Главный герой фильма «Остров» во время войны, объятый животным страхом, совершает предательство, убивает человека. Затем мы видим его монахом, оказывающим помощь людям, прозревающим их слабости, заставляющим их бороться с ними, изгоняющим бесов. В то же время в уединении он бесконечно раскаивается, прося у Бога прощения за то преступление, его продолжает и продолжает мучить тот грех. Он понимает, что Бог дал ему способность помогать другим («это не от меня, но от Бога»), но чувствует себя ниже и хуже других. Но именно прозрение своей греховной природы (в том животном страхе, которым он был объят) является прозрением греховной природы других.

Пережитое отчаянье продолжает жить в душе человека. «И во всех случаях никто никогда не жил и не живет вне христианства без того, чтобы быть отчаявшимся, — да и в христианстве никто, если только он истинный христианин, не живет без этого, — ибо, по крайней мере, если он и не пребывает в отчаянии целиком, в нем всегда остается зерно этого отчаяния» (Кьеркегор, 1993, с. 262). Это зерно отчаянья остается как напоминание, как предупреждение, о духовной природе человека, о высшем требовании, «которое выдвигает перед ним судьба, — требованию быть духовным» (там же).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библия. Ветхий и Новый Завет.
2. Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция: Философский альманах. М.: Политиздат, 1992. С. 294-371.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
4. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Харьков: Прапор, 1985.